

Государственный научно-исследовательский
Институт реставрации
Музей фресок Дионисия

Ферапонтовский сборник

VI

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»

Москва 2002

К 1327887

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕРАПОНТОВА

В России нет места более замечательного, чем Ферапонтов монастырь и его окрестности. Я не случайно назвал окрестности, так монастырь расположен в дивной по красоте местности. Древнее житие Ферапонта сообщает, что после разлучения с преподобным Кириллом Ферапонт «нашел очень красивое место, более других пригодное для житья, поблизости от Паского озера и другого озера, повыше того, Бородавского, между которыми — полет стрелы или чуть больше». Ланшафт Ферапонтова мало изменился с конца XIV века: все те же два озера, между которыми течет быстрая речка Паска, все тот же высокий холм между озерами, увенчанный древними зданиями монастыря, все то же высокое и просторное небо с его вечным движением и переливами божественных красок, восходов и закатов. Пожалуй, только леса поредели, да вместо естественного дерева в эту среду то и дело вклиниваются бетон, кирпич и металл, чужды органической природе Русского Севера.

По словам жития Ферапонта, место, избранное им для устройства монастыря, было пустынно, почва бедна и кругом рос боровой лес. Но неизвестный нем по имени автор жития, написавший свое сочинение в середине XVI века, проговаривается, что монастырь был поставлен на большой дороге и что святого очень донимали разбойники, чьи жилища находились близко от монастыря. Из этого сообщения ясно, что «пустыня» еще до основания монастыря была населена крестьянами, и деревень здесь уже тогда было не меньше, чем в XIX и XX веках. Люди занимались тут хлебопашеством, разведением скота, охотой и рыболовством — собственно говоря, всем тем, чем они занимаются здесь и теперь. Исчезли без остатка лишь разведение и обработка льна — культуры, без которой немыслимо крестьянское хозяйство прошлых лет.

Вотчинное хозяйство Ферапонтова началось, по-видимому, во времена Ферапонта, и уже в начале XVII века он владел 4 селами, 2 сельцами, 54 деревнями, 12 селищами и 95 пустошами, что давало прочную основу для строительства и развития монастыря. Нераздельность монастыря и его крестьянского окружения означает, что 600-летие со времени его основания условно совпадает с 600-летием первоначальной подмонастырской слободки, из которой образовалось потом историческое село Ферапонтово. Сохраняя и охраняя Ферапонтов монастырь, мы должны ответственно подойти и к охране традиционной застройки села Ферапонтова и других деревень около монастыря, и к охране природной среды: озер, речек, ручьев, урочищ, лесов. Задача национального парка «Русский Север», созданного в Кирилловском районе в 1993 году, заключается в пресечении любого браконьерства, наносящего непоправимый ущерб русскому национальному достоянию, каким являются Ферапонт монастырь и его окрестности.

В первоначальной истории Ферапонтова тесно переплелись интересы Москвы и московской митрополии и Ростова и ростовской епархии, в состав которой с незапамятных времен входило Белозерское поозерье. Ростовская владычная кафедра обладает достаточными финансовыми ресурсами, чтобы поддерживать церковь и церковную власть на подведомственных ей территориях, распространять грамотность, поощрять литературное творчество, искусство и строительное дело. Уже в XIV веке Ферапонтов монастырь приобретает известность как литературная и духовная школа, из которой Москва выдвигала опытных иноков на ответственные церковные посты. Десять лет спустя после основания монастыря преподобный Ферапонт был приглашен можайским князем Андреем для учреждения Лужецкого монастыря на окраине Можайска, где он и умер в 1426 году. Равным образом и его наследник по настоятельству в Ферапонтове монастыре преподобный Мартиниан с 1447 по 1455 год был игуменом Троице-Сергиевой лавры. Из ферапонтовской братии вышли ростовский архиепископ Иоасаф (1481), пермский епископ Филофей (1471), основатель Учемского монастыря под Угличем греческий князь Константин (в иночестве Кассиан), епископ Сузdalский Ферапонт (1439). Здесь работали такие видные в русской литературной истории люди, как сам Мартиниан, бывший киевский митрополит Спиридон, известнейший составитель литературных сборников инок Евфросин, автор первых житий Ферапонта и Мартиниана ферапонтовский монах Матфей. В 1461 и 1462 годах в

Ферапонтове побывал и знаменитый агиограф Пахомий Серб, записавший со слов Мартиниана житие преподобного Кирилла Белозерского. Слава Ферапонта как литературного центра Белозерья была так велика, что здесь, как и в соседнем Кирилловском монастыре, уже в XV веке новгородский епископ Геннадий искал отсутствующие в Новгороде полемические сочинения для борьбы с захлестнувшим Новгород еретическим движением жидовствующих. Упомянем, наконец, что с 1666 по 1676 год в Ферапонтове жил в ссылке святейший патриарх Никон, и что бы ни говорили позднейшие историки церкви о сущности заключения Никона в удаленном северном монастыре, он имел здесь достаточную свободу и оказал сильное влияние на мирское и монастырское духовенство и на крестьянское население Белозерского края.

После удаления Никона из Ферапонта в Кириллов место его первоначальной ссылки стало быстро клониться к упадку, и последние сто лет существования монастыря не были ознаменованы какими-либо яркими событиями. В 1798 году по указу Святейшего Синода монастырь был закрыт, оставшиеся монахи и часть имущества были переведены в Пензу, и на месте бывшего монастыря образован церковный приход, существующий и по сей день.

Главной художественной ценностью Ферапонта являются прославленные фрески Дионисия в соборе Рождества Богородицы, которым в текущем году исполняется 500 лет. В 2002 году мы переживаем двойной юбилей Ферапонта монастыря. Понятно, что две замечательные даты дают нам основание заново осмыслить, что же именно представляют собою росписи Дионисия и связанный с ним того же времени соборный иконостас, рассеянный ныне по разным российским музеям.

Биография Дионисия почти столь же скучна, как и биография Андрея Рублева, но все же она более информативна. Условной датой его рождения считается 1440 год. К тридцати годам он уже был известным иконописцем и между 1467 и 1477 годами вместе со своим старшим товарищем по работе Митрофаном и «пособниками» расписал собор Рождества Богородицы в Пафнутьевом Боровском монастыре. В 1481 году Дионисий — и снова не один, а с попом Тимофеем, Ярцем и Коней — получает заказ на исполнение иконостаса в Успенском соборе Московского Кремля, а в 1482 году поновляет пострадавшую при пожаре икону Одигитрии из Вознесенского монастыря в Кремле. Легко усмотреть официальное положение Дионисия как придворного

мастера московского митрополита и великого князя. Заказ на иконостас Успенского собора оплатил ростовский архиепископ Вассиан, и связь Дионисия с ростовской владычной кафедрой продолжалась далее вплоть до кончины художника между 1502 и 1508 годами. Дионисий работал также в Иосифо-Волоколамском монастыре под Москвой, а затем в Павло-Обнорском, Корнилиево-Комельском, Спасо-Прилуцком и Спасо-Каменном монастырях под Вологдой, наконец — в Ферапонтовом монастыре. Фрески Ферапонтова — вершина творчества Дионисия и вместе с тем это последнее выдающееся произведение живописи классического периода русского национального искусства.

До второй мировой войны Россия обладала по меньшей мере десятю сохранившимися ансамблями древних фресок: это были Нередица, Ковалево, Волотово, Феодор Стратилат и Сквородка в Новгороде, фрески Старой Ладоги и Гостинопольского монастыря близ Новгорода, росписи Мирожского и Снетогорского монастырей в Пскове и в Мелетове около Пскова, а также фрески Ферапонтова. В войну погибли росписи Нередицы, Ковалева, Волотова, Сквородки и Гостинополья, так что Ферапонтово осталось в числе шести других фресковых ансамблей. Учитывая лишь частичную сохранность древних фресок в Старой Ладоге, церкви Феодора Стратилата, Снетогорах и Мелетове, фрески Дионисия наряду с еще не полностью раскрытыми фресками Мирожа — это все, что осталось от былых сокровищ русского монументального искусства до XVI века. А росписи Дионисия бесспорно являются лучшими по сохранности фресками Древней Руси.

Но не только по сохранности. Они исполнены искусством руки мастера-монументалиста по четко разработанной иконографической программе, прославляющей Богородицу — врата Всеянной, через которые пришел в мир Спаситель Иисус Христос. Центральное место в системе росписи отведено полному циклу Акафиста — торжественного гимна в честь Марии, составленного в VI веке Романом Сладкопевцем. Через тысячу лет известнейший поэтический шедевр ранневизантийской эпохи воплощен Дионисием в двадцати пяти многосложных символических композициях, занимающих в росписи наиболее видные и хорошо освещенные места. В центральном восточном люнете над алтарем написана большая фреска «Покров Богородицы» на тему чудесного видения Романа Сладкопевца во Влахернском храме Константинополя — фреска, как бы осеняющая алтарь и вместе с тем

обращенная ко входу в собор с многозначительной выше расположенной надписью: «Пресвятая госпожа Богородица, помогай нам». Ликующая интонация Акафиста задает общий праздничный тон росписи собора. Многофигурные композиции в северном и южном люнетах «Что Ти принесем, Христе» и «О Тебе радуется» поддерживают эту атмосферу росписи, расцвечивая стены удивительными по красоте живописи огромными панно. Евангельские притчи и чудеса на сводах воплощают извечную мысль человека о возможности чуда на земле. Даже композиция «Страшного суда» на западной стене и на прилегающих к ней арках и сводах не выпадает из характерной приподнятости живописной декорации храма. В этих фресках, красивых, легких, матово-воздушных и орнаментально-декоративных, лишенных каких-либо страстей и преувеличений, ярко заявляет о себе эстетика рубежа XV–XVI веков, порывающая с гармонической ясностью и содержательностью рублевской эпохи.

Собор Рождества Богородицы в Ферапонтове – древнейшее каменное церковное здание Белозерья. Он выстроен в 1490 году, за семь лет до возведения каменного Успенского собора в Кириллове, причем это последний, в отличие от Ферапонтова, стоял без фресковой росписи вплоть до 1641 года. Очевидно, таким образом, особое положение Ферапонтова, пользовавшегося поддержкой каких-то влиятельных и состоятельных лиц. Без вероятности ошибиться, мы можем указать на конкретного человека, уже в XV веке внесшего огромный вклад в процветание Ферапонтова: это ростовский и ярославский архиепископ Иоасаф из рода князей Оболенских, ученик преподобного Мартиниана. В 1480 и 181 годах он был в Ферапонтове, а затем после восьмилетнего пребывания на архиепископской кафедре в Ростове вернулся в 1489 году в любимый им Ферапонтов монастырь и здесь скончался 7 октября 1514 года. Иоасаф – едва ли не первый по времени благодетель Ферапонтова, и символично, что в 1904 году, когда началось восстановление полуразрушенных зданий древнего монастыря, комитет по реставрации возглавил князь Александр Васильевич Оболенский – потомок ростовского архиепископа Иоасафа. Оболенские ведут свой род от черниговского князя Михаила и потому совсем не случайно на южной арке ферапонтовского собора в ряду очень немногих русских святых Дионисий написал Михаила Черниговского и его верного боярина Феодора, мученически погибших в Золотой Орде в 1246 году.

Ферапонтов монастырь уже в XV–XVI веках пользовался благоволением московских великих князей и царей: в 1447 году

его посетил Василий II, с которого преподобный Мартиниан снял клятвенное обещание не воевать против Дмитрия Шемяки и не добиваться московского стола, в 1528 году здесь побывал Василий III с Еленой Глинской, у которых молитвами Кирилла и Ферапонта через год родился наследник престола Иван, в 1547 и 1553 годах в Ферапонтово ездил и сам Иван Грозный. Щедрые великокняжеские, княжеские и царские вклады позволили Ферапонтову монастырю обстроить обитель обширными каменными зданиями. До 1649 года, когда над Святыми воротами были сооружены надвратные церкви преподобного Ферапонта и Богоявления, здесь уже существовали двухэтажная Трапезная палата с церковью Благовещения, Казенная палата и шатровая церковь над гробом Мартиниана, где в XVI веке был погребен и Иоасаф Ростовский. Так возник замечательный архитектурный ансамбль Ферапонтова, одновременно величественный и камерный, который согрет великой любовью его основателя и благодарной теплотой всех, кто хотя бы однажды побывал в Ферапонтове.

Ферапонтов монастырь потерял бы добрую половину своего очарования, если бы была утрачена его природная среда, первозданность здешних озер, речек, холмов и лесов. Вот почему наша общая задача — скорейшим образом создать действенную защиту его природного окружения, обширные охранные зоны, которые включали бы в себя берега обоих озер, Цыпину гору, Ильинский погост и все деревни вокруг Ферапонтова. Ферапонтово — наше национальное сокровище, и мы обязаны его сохранять, охранять и приумножать.

В заключение я хотел бы помянуть добрым словом всех наших предшественников XVIII, XIX и XX веков: игумена Ферапонтова монастыря Павла, связавшего в 1738 году железными связями стены клонившегося к разрушению собора и тем самым сохранившего для нас не только собор, но и его стенопись; священников Ферапонтовского прихода после упразднения монастыря Петра и Василия Ферапонтовых и Арсения и Павла Разумовских; автора первой монографии о Ферапонтовом монастыре профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Ивана Ивановича Бриллианта; авторов проекта реставрации Ферапонтова монастыря в начале XX века академика Петра Петровича Покрышкина и Константина Константиновича Романова и исполнителей этого проекта архитекторов Вальтера и Данилова; первого исследователя и издателя фресок Дионисия Василия Тимофеевича Георгиевского; ведущего специалиста Комиссии по

сохранению и раскрытию древнерусской живописи, а затем и Центральных государственных реставрационных мастерских Александра Ивановича Анисимова и реставратора Павла Ивановича Юкина, по инициативе которых были произведены первые пробные раскрытия иконостаса 1502 года из соборной церкви монастыря; первых хранителей Ферапонтова Любовь Кирилловну Легатову и Валентина Ивановича Вьюшина, а также инспектора по охране памятников Вологодской области Андрея Константиновича Ведрова, которые сумели, как могли, сохранить Ферапонтов монастырь в очень трудные 1960–1970-е годы и которые с особой теплотой принимали здесь всех, кто решался предпринять тогдашнее нелегкое путешествие в Ферапонтово, чтобы насладиться его природой и живописью Дионисия; исследователя древнерусского и итальянского искусства Ирину Евгеньевну Данилову, чья книга о фресках Дионисия, изданная в 1970 году, до сих пор является основным источником для первого ознакомления с живописью Дионисия; Николая Михайловича Чернышева, Виктора Никитича Лазарева и Михаила Владимировича Алпатова, чьи работы о Дионисии способствовали росту нашей любви к Ферапонтову и Дионисию; замечательного художника-копииста Николая Владимировича Гусева, сумевшего при почти полном отсутствии какого-либо специального оборудования исполнить копии и прориси со всех фресок Дионисия; всех старых и позднейших сотрудников Ферапонтовского музея за последние тридцать лет и прежде всего Ларису Матвеевну Рудницкую, Елену Романовну Стрельникову, Марию Александровну Гурьеву, Марину Сергеевну Серебрякову, Анастасию Ивановну Вьюшину, Маргариту Афанасьевну Алексееву, Галину Николаевну Лысенкову и Михаила Николаевича Шаромазова, при которых произошел нынешний расцвет Музея фресок Дионисия; всех художников, полюбивших Ферапонтово и своими работами способствовавших всемирной известности Ферапонтова; наконец, всех наших друзей, трудами, заботами и вкладами которых создается Музей фресок Дионисия. Всем ушедшим в мир иной — наша благодарная память, а живущим — сердечное спасибо.